

Пять часов вечера, время окончания уроков.

У школы выстроилась плотная вереница машин. Автомобиль семьи Фу – чёрный Майбах – уже ждал у ворот.

Последним уроком была физкультура. Фу Мянью переоделся в свободную сине-белую спортивную форму. Его высокая, стройная фигура и привлекательное лицо заметно выделяли его среди остальных учеников начальной школы.

Закинув рюкзак на одно плечо, он направился к Майбаху.

Стоило водителю открыть дверь, как из салона внезапно высунулась маленькая голова:

— Братик!

Слово “братик” слетало с губ Тао Ляня всё более и более естественно. Пользуясь тем, что сейчас он совсем ребёнок, он звал его так без малейшего стеснения.

В прошлой жизни он ни разу не назвал его даже “Братом Мянью”. Сталкиваясь с Фу Мянью на людях, ему приходилось делать вид, будто они незнакомы. Что ж, зато теперь он навёрстывал упущенное.

При виде внезапно появившегося малыша Фу Мянью никак особо не отреагировал.

Должно быть, он уже настолько часто слышал это “братик”, что первоначальная неловкость прошла. Слушал-слушал – и в конце концов просто привык.

— Ты почему здесь?

Если он правильно помнил, занятия в детском саду у Тао Ляня заканчивались в четыре часа. Получается, тот ждал его у ворот почти целый час?

Тао Лянь вальяжно устроился в детском кресле и похлопал маленькой ладошкой по сиденью рядом с собой:

— Жду тебя, чтобы вместе поехать домой после уроков! Братик, садись скорее.

Фу Мянью наклонился и сел в машину:

— Впредь можешь меня не ждать.

Тао Лянь притянул к себе свой маленький рюкзачок, расстегнул молнию и достал оттуда бумажный красный цветок.

Он без лишних слов потянулся к сидящему рядом Фу Мянью и ловким, быстрым движением наклеил бумажный красный цветок прямо подростку на лоб.

В прошлой жизни такого Фу Мянью было просто не увидеть, так что Тао Лянь изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

— Я сегодня получил три красных цветка. Этот я дарю тебе, только чур не снимать!

Выражение лица на ещё по-детски округлом лице подростка сменялось одно за другим. Его обычно серьёзная мимика в сочетании с красным цветочком на лбу выглядела совершенно

нелепо и комично.

Фу Мянью скривился так, словно проглотил живую муху. Он уже занёс руку, чтобы содрать этот цветок, но краем глаза заметил устремлённый на него, полный надежды взгляд Тао Ляня.

Фу Мянью мысленно стиснул зубы, крайне неохотно опустил руку и с каменным лицом спросил:

— А где ещё два?

— Потерялись.

Сидевший впереди водитель, ведя машину, с улыбкой выдал Тао Ляня:

— Сяо Ян снова повздорил с одноклассником, вот воспитательница и отобрала у него два цветка.

Тао Лянь безмолвно вздохнул.

И всё из-за того пухляша! В прошлый раз тот пытался отобрать у него конфету, а сегодня во время полдника решил позариться на его пирожное.

Пусть в силе Тао Лянь и уступал этому толстяку, зато брал ловкостью и скоростью: он не только защитил своё пирожное, но и умудрился сцапать пирожное пухляша и подчистую его слопать.

Пусть его обидчик и обычный карапуз, месть – дело святое.

Тао Лянь снова принялся рыться в рюкзаке и достал оттуда мандарин, упакованное пирожное и маленькую бутылочку молока, поочередно всучив всё это в руки Фу Мянью.

— Братик, я всё это специально для тебя оставил, кушай скорее!

Фу Мянью со сложным чувством посмотрел на вещи в своих руках. Последнее время Тао Лянь вытворял то, чего от него никак нельзя было ожидать.

Этот ребёнок сам пожалел это съесть и оставил ему?

Неужели их семья настолько обеднела?

Или Тао Лянь всё это отобрал?

Лишь позже Фу Мянью узнает, что Тао Лянь вовсе не “пожалел это съесть” – он просто был жутким привередой и терпеть не мог эти продукты. То, что ему самому было не нужно, он и спихивал старшему, а этот несносный мальчишка ещё и утверждал, будто оставил “специально”.

Вечером того же дня Тао Лянь сам искупался, переоделся в пижаму и, тихонько прижимая к себе Тао Мэйли, побежал в комнату Фу Мянью.

Как только Фу Мянью открыл дверь, мелкий забежал внутрь и на удивление по-хозяйски залез на кровать.

— Тётя уже купала Тао Мэйли, она теперь вкусно пахнет и совсем чистая.

— Братик, не прогоняй её больше.

Фу Мянью сжал его без умолку болтающий рот, сделав губы уточкой:

— Ладно, ложись и спи.

Тао Лэян промычал что-то невнятное, и только тогда Фу Мянью отпустил его рот, уложил, надавив на плечи, и укрыл маленьким одеялом.

Фу Мянью не ложился так рано. Он оставил включённым только светильник для чтения и, прислонившись к изголовью кровати, тихо читал книгу.

За панорамным окном моросил мелкий дождь, а тёплый свет лампы добавлял комнате немного уюта.

Тао Лэян лежал под одеялом на боку, обнимая игрушку, и то и дело открывал глаза, чтобы тайком подглядеть за Фу Мянью.

Фу Мянью опустил взгляд на книгу, перевернул страницу и, даже не подняв век, бросил:

— Закрой глаза и спи.

Стоило ему договорить, как Тао Лэян внезапно откинул одеяло и, словно щенок, раскинул руки, бросился на Фу Мянью и крепко-крепко его обнял, устроив дружеские обнимашки.

— Спокойной ночи, братик!

Фу Мянью даже среагировать не успел, как Тао Лэян уже разжал руки и юркнул обратно под одеяло.

Тело подростка на мгновение окаменело, а лицо то бледнело, то мрачнело. Он терпеть не мог телесных контактов, даже с родным отцом.

Если бы его так посмел обнять Чэн Яньмин или кто-то другой, он бы уже давно отвесил пинка.

И только потому, что Тао Лэян был ещё маленьким и несмышлёным, Фу Мянью было лень с ним связываться.

Ну откуда взялся такой липучий сорванец? Приехал всего несколько дней назад, а уже реально считает его родным братом?

Фу Мянью повернул голову: этот беззаботный малец уже вовсю спал.

Спустя какое-то время Фу Мянью отбросил книгу на прикроватную тумбочку и с негромким щелчком выключил лампу.

Лёг и уснул.

*

В субботу утром Фу Мянью совершил нечто из ряда вон выходящее: он сам взял Тао Лэяна с собой и поехал в город.

Дорога заняла около двух часов. В конце концов водитель припарковал машину у ворот

загородного кладбища.

Фу Мянью заранее попросил купить букет цветов. В сопровождении зрителя он всю дорогу вёл Тао Ляна за руку, пока они не остановились перед одним из надгробий.

Это была могила матери Тао Ляна – Жуань Цинчжи (красивое имя, дословно означающее “Зелёная ветвь Жуань”).

На надгробии была фотография. Женщина на ней была ещё совсем молодой, а её красивое лицо озаряла яркая и нежная улыбка.

Едва увидев фотографию, Тао Лян тут же разрыдался. Сколько бы времени ни прошло, ранняя смерть матери навсегда осталась глубочайшей раной в его сердце.

Даже получив шанс на новую жизнь, он всё равно опоздал и не успел застать маму в живых.

Больше всего на свете Жуань Цинчжи переживала за своего горячо любимого маленького сына. Находясь при смерти и уповая на давнюю услугу, которую она когда-то в юности оказала Фу Цзунчэну, женщина умоляла его присмотреть за её ребёнком после её кончины, чтобы Тао Лян смог вырасти здоровым и благополучным.

Слёзы Тао Ляна лились непрерывным потоком. Он плакал навзрыд, его маленькие плечики то и дело вздрагивали, а из груди вырывались безмолвные всхлипы, когда он сквозь слёзы звал маму.

Фу Мянью достал носовой платок, вытер слёзы с его лица и вложил букет цветов в руки Тао Ляна.

Мальчик положил цветы для Жуань Цинчжи, а затем опустился на колени и со всей искренностью отвесил надгробию земной поклон.

Прерывисто всхлипывая, он принялся в деталях нашептывать маме обо всём, что произошло за последнее время.

Он говорил, что и дядя Фу, и братик Фу Мянью очень добры к нему, что ему живётся хорошо, и просил маму на небесах ни о чём не беспокоиться.

Перед уходом Фу Мянью ещё раз взглянул на молодую женщину на фотографии.

Он защитит Тао Ляна.

На обратном пути Тао Лян уже немного успокоился, вот только его веки покраснели и припухли.

Он посмотрел на Фу Мянью своими огромными, красными, как у кролика, глазами, и его детский голосок прозвучал слегка хрипло:

— Братик, почему ты вдруг решил привезти меня к маме?

— Твоя мама сама сказала мне об этом во сне.

На самом деле Фу Мянью просто слышал, как Тао Лян разговаривал сам с собой во сне, постоянно зовя маму – ему явно было очень плохо, но он изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать наяву.

Тао Лэян прекрасно понимал, что всё было совсем не так, но подыграл Фу Мяню:

— И что же ещё мама сказала тебе во сне?

— Чтобы ты вёл себя прилично и не был такой липучкой.

— О-о...

Фу Мянъ протянул ему носовой платок:

— Весь так уревелся, что на тебя смотреть жалко. Вытри лицо.

Тао Лэян платок не взял, а вместо этого послушно подставил своё личико прямо к Фу Мяню:

— Братик, вытри сам.

Фу Мянъ согнул указательный палец и легонько щёлкнул его по лбу – только ведь пообещал вести себя прилично и не липнуть, а сам уже тут как тут, сидит и преданно заглядывает в глаза.

Ладно, бог с ним.

Фу Мянъ в конце концов снова сдался и принялся аккуратно и тщательно вытирать лицо Тао Лэяна.

Когда с этим было покончено, перед ним снова сидел чистенький, беленький и нежный, как рисовый клёцк, малыш.

Тао Лэян тут же воспользовался старым трюком: резко бросился Фу Мяню в объятия и нежным, ласковым детским голоском пролепетал:

— Братик, ты такой хороший!

— После мамы ты – самый-самый лучший человек на свете!

Фу Мянъ с каменным лицом подумал: “Стал ещё липучее”.

<http://bllate.org/book/21371/2215316>